

like
book

EDGAR

ALLAN

POE

The Murders

in the Rue Morgue

ЭДГАР
АЛЛАН

ПО

Убийство

на улице Морг

МОСКВА

like
book

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
П41

Edgar Allan Poe
THE MURDERS IN THE RUE MORGUE

Перевод с английского *М. Богословской,*
И. Бернштейн, З. Александровой, К. Бальмонта,
М. Энгельгардта, В. Неделина

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического
дизайна «FOLD & SPINE»

По, Эдгар Аллан.

П41 Убийство на улице Морг : перевод с англий-
ского / Эдгар Аллан По. — Москва : Издательст-
во «Э», 2017. — 448 с. — (#правильные_книги).

ISBN 978-5-699-97414-6

Отец детектива Эдгар Аллан По умел находить чудесное в повседневном. Задолго до Конан Дойля американский мастер изобрел целый жанр – расследование преступления, с уликами, подозреваемыми, логическими цепочками, необъяснимыми ситуациями. Он мог заполнить свои миры магией, а мог обуздать сверхъестественное.

В рассказах этого сборника множество диковин: зывание ангела, разговор с мумией, загадочное письмо, таинственное исчезновение, вызывающее убийство, трагические путешествия.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. Богословская, перевод, 2017
© И. Бернштейн, перевод, 2017
© З. Александрова, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-699-97414-6

ООО «Издательство «Э», 2017

УБИЙСТВО
на улице
Морг

УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ МОРГ

Какую песню пели Сирены
или какое имя принял Ахиллес,
когда он скрывался среди
женщин — эти вопросы,
хотя и ошеломительны,
все же не вне всякой догадки.

Сэр Томас Браун

Умственные черты, обсуждаемые как аналитические, сами по себе мало способны к анализу. Мы оцениваем их только по результатам. Мы знаем о них, наряду с другими обстоятельствами, что они всегда являются для их обладателя, когда он обладает ими в неумеренном количестве, источником самого живого наслаждения. Как сильный человек наслаждается физической ловкостью, предаваясь таким упражнениям, которые приводят его мускулы в движение, так человек анализирующий извлекает для себя славу и восторг в той умственной деятельности, которая распутывает. Он извлекает наслаждение даже из самых тривиальных занятий, приводящих его талант в действие. Он увлечен загадками, игрою слов, иероглифами; ибо в разрешении

каждой загадки он являет известную степень тонкой проницательности, кажущейся восприятию заурядному сверхъестественной. Получаемые им результаты, обусловливаемые самою душою и сущностью метода, имеют, на самом деле, вид совершенной интуиции.

Способность разрешения, возможно, очень усиливается изучением математики и, в особенности той высшей ее отрасли, каковая несправедливо и главным образом на основании ее отступательных операций была названа как бы *par excellence* анализом. Шахматный игрок, например, делает одно без усилия в другом. Отсюда следует, что игра в шахматы в своих влияниях на умственную природу весьма неверно истолковывается. Я не пишу ныне какой-либо трактат, но просто — в виде предисловия к несколько своеобразному повествованию — весьма наудачу привожу различные соображения; я воспользуюсь по этому случаю возможностью утверждать, что непоказная игра в шашки требует более решительно и более планомерно высших способностей размышляющего понимания, нежели все утонченные суетности шахматной игры. В этой последней, где фигуры имеют различные и

причудливые движения с различными и меняющимися ценностями, то, что лишь сложно, ошибкой (ошибка отнюдь не необычная) принимается за то, что глубоко. Внимание весьма сильно призывается здесь к действию. Если оно ослабевает на мгновение, совершается недосмотр, и отсюда ущерб или поражение. Так как возможные движения не только многообразны, но и разворачиваются по кривой линии, вероятия таких недосмотров многочисленны; и в девяти случаях из десяти выигрывает не более тонкий игрок, а, скорее, более сосредоточенный. В шашках, напротив, где движения единообразны и лишь мало видоизменяются, вероятия недосмотра уменьшены, и так как простое внимание сравнительно не призывается к пользованию, выгоды, получаемые той и другой партией, достигаются превосходной степенью тонкого понимания. Чтобы быть менее отвлеченным — предположим игру в шашки, где фигуры сведены до четырех дамок и где, конечно, нельзя ожидать никакого недосмотра. Явно, что здесь победа может быть решена (при полном равенстве игроков) лишь каким-нибудь изысканным движением, как результатом какого-нибудь сильного напря-

жения ума. Лишенный обычных ресурсов, человек анализирующий опрокидывается в дух своего противника, отождествляет себя с ним и нередко видит, таким образом, единым взглядом единственную возможность (иногда поистине нелепо простую), с помощью которой он может вовлечь в ошибку или подтолкнуть в неверный расчет.

Долгое время обращал на себя внимание вист, благодаря своему влиянию на то, что зовется способностью рассчитывать; и люди с умственными способностями высокого разряда, как известно, находили в этой игре, по видимости, необъяснимое наслаждение, избегая в то же время игры в шахматы, как вещи пустой. Без сомнения, нет никакой игры, по природе родственной, которая бы в такой степени захватывала способность анализа. Лучший на свете игрок в шахматы — шахматист, и только; успешность же игры в вист связана со способностью к успеху во всех тех более важных предприятиях, где ум борется с умом. Когда я говорю успешность, я разумею то совершенство в игре, которое включает в себя постижение всех источников, из коих законным образом можно извлекать выгоду. Они не только многообразны,

но и многообразны, и часто скрываются в уголках ума, совершенно недоступных для заурядного понимания. Наблюдать внимательно — значит явственно припоминать; и в этом смысле сосредоточенный игрок в шахматы окажется очень хорошим игроком в вист; ибо правила Хойла (сами основанные на простом механизме игры) достаточно легко постижимы. Таким образом, иметь тренированную память и поступать по указаниям «правил», это суть пункты, вообще рассматриваемые как полная сумма хорошего умения играть. Но способность анализа выясняется именно в вещах, лежащих за пределами простого правила. Человек, способный к анализу, делает, молча, целое множество наблюдений и выводов. Так, быть может, поступают и его соучастники в игре; и различие в объеме получаемых выводов заключается не столько в доброкачественности способности выводить, сколько в качестве наблюдения. Необходимое знание есть знание того, что нужно наблюдать. Наш игрок отнюдь не ставит себе ограничений; и так как целью является игра, он отнюдь не отбрасывает выводов из вещей, игре совершенно чуждых. Он исследует лицо своего партнера, сравнивая

его тщательно с лицом каждого из противников. Он рассматривает способ подбирания карт в каждой руке, часто считая козырь за козырем и фигуру за фигурой по взглядам, бросаемым на каждую карту их обладателями. Он подмечает каждое изменение лица по мере того, как игра идет, накапливая мысленный капитал из различий в выражении уверенности, удивления, торжества и огорчения. Из манеры брать взятку он делает заключение, способно ли данное лицо взять новую взятку при следующем ходе. Он узнает то, что сыграно ложным маневром, по виду, с которым карты брошены на стол. Случайное или неосторожное слово, случайно упавшая или повернутая карта, в сопровождении тревожного или небрежного желанья ее скрыть; считание взяток, с порядком их распределения; затруднение, колебание, живость или трепетный порыв — все доставляет для него, на вид интуитивного, восприятия указания истинного положения вещей. Когда сыграны два-три тура, он вполне владеет приемами каждой руки и засим играет своими картами с такой совершенною точностью замысла, как если бы остальные игроки показали свои собственные карты лицом.

Аналитическая способность не должна смешиваться с простой находчивостью; ибо, в то время как аналитик необходимым образом находчив, человек находчивый часто достопримечательным образом не способен к анализу. Способность построения или сочетания, через которую обыкновенно проявляется находчивость и которая, по мнению френологов (полагаю, ошибочному), имеет свой собственный отдельный орган, при допущении, что это способность первичная, часто наблюдалась у тех, чей разум в других отношениях граничил с идиотизмом, возбуждая всеобщее внимание среди писателей-моралистов. На самом деле, между находчивостью и аналитической способностью существует разница гораздо большая, чем между фантазией и воображением, но по характеру строго аналогичная. Действительно, рассматривающий это найдет, что человек находчивый всегда фантазер, а человек с истинным воображением склонен к анализу.

Следующее повествование будет служить читателю как бы некоторым пояснением к утверждениям, только что высказанным.

Живя в Париже во время весны и части лета 18.. года, я познакомился с мосье

Ш. Огюстом Дюпенем. Этот молодой человек был из хорошей — нет, даже из знатной — фамилии, но разнообразием неблагоприятных обстоятельств он был приведен к такой бедности, что энергия его характера уступила, и он перестал делать какие-нибудь усилия, чтобы достичь успеха или заботиться о восстановлении своего состояния. Благодаря любезности его кредиторов в его распоряжении еще оставалась небольшая доля его наследственного имения, и, пользуясь чрезвычайно экономно доходом с нее, он мог доставлять себе все необходимое для жизни, не заботясь об излишествах. Единственной его роскошью были, на самом деле, книги, а в Париже их получать легко.

Первое наше знакомство произошло в одной малоизвестной библиотеке на улице Монмартр, где мы были приведены к более тесному соприкосновению той случайностью, что мы оба отыскивали одну и ту же весьма редкую и весьма замечательную книгу. Мы увиделись друг с другом еще и еще. Я был чрезвычайно заинтересован его семейной историей, которую он мне рассказал подробно, с тем чистосердечием, что составляет особенность француза, когда темой разговора

*# Единственной
его роскошью
были, на самом
деле, книги,
а в Париже их
получать легко.*

служит его собственное я. Я был удивлен, кроме того, обширными размерами его начитанности; и, превыше всего, я чувствовал, что душа моя загорается от причудливого пламени и живой свежести его воображения. Ища в Париже некоторых предметов, составлявших тогда предмет моих алканий, я чувствовал, что общество такого человека было бы для меня неоцененным сокровищем, и в этом чувстве я чистосердечно ему признался. В конце концов было условлено, что мы будем жить вместе во время моего пребывания в этом городе; и так как мои деловые обстоятельства были несколько менее запутаны, чем его, я взял на себя расходы по содержанию и обстановке при найме, — в стиле, соответствовавшем несколько мрачной фантастичности нашего общего темперамента, — изъеденного временем и гротескного дома, давно заброшенного, благодаря суевериям, о коих мы не расспрашивали, и находившегося в полуразрушенном состоянии в уединенной и пустынной части Сен-Жерменского предместья.

Если бы рутина нашей жизни в этом обители была известна миру, нас бы сочли за